

тому, не имѣли между собою внутренней связи, отзывались заученностью, текли какъ-то холодно и вяло; очевидно Демидъ „училъ“ своихъ посѣтительницъ,—училъ официально, и никакой душевной теплоты не чувлось въ этомъ поученіи „на заказъ“. Только когда гости встали и собрались уходить,—старикъ вдругъ какъ-то умилился духомъ, размякъ и даже заплакалъ, совершенно по-дѣтски всхлипывая. О чемъ были эти слезы?..

Съ тѣмъ же тяжелымъ чувствомъ тоски возвращалась Леночка домой. Картина страшнаго добровольнаго одиночества и самоотреченія глубоко ее потрясли. Но она была недовольна: совѣтъ не того ждало ея пылкое воображеніе, ея жаждущая душа. Она надѣялась увидѣть могучую силу, а увидѣла старческое безсиліе и слабость; надѣялась услышать огненное слово, могущее сразу освѣтить и разсѣять ея душевную темноту, а услышала „заказныя“ рѣчи, избитые примѣры, заученные тексты безъ толкованія и разъясненія. И не трепетъ благоговѣнія возбуждалъ въ ней Демидъ, а какую-то болѣзненную жалость. Особенно слезы его, съ которыми проводилъ онъ ихъ до порога своей уединенной кельи, раздѣдали ей все сердце.

— Нѣтъ, это не то!—рѣшила Леночка въ разочарованіи.

Однако, спустя нѣсколько дней, въ мысляхъ и чувствахъ ея произошелъ значительный переворотъ. Личность Демида представилась ей въ другомъ свѣтѣ и неудержимо влекла къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ подъ убогой внѣшней оболочкой не можетъ таиться великая мощь духа? Развѣ мало нужно нравственныхъ силъ, чтобы обречь себя на страшную нищету, одиночество, лишенія? Даже слезы Демида при прощаньи Леночка объяснила въ его пользу. „Онъ, должно быть, насъ жалѣлъ“... думала она, и эта способность человѣка, отрекшагося отъ себя, жалѣть другихъ—глубоко ее тронула.

„Пойду къ нему опять,—рѣшила она.—Только одна пойду теперь, безъ Прасковьи“.

Она была убѣждена, что „заказныя“ рѣчи Демида предназначались для старой раскошницы: Леночкѣ извѣстно было, какое значеніе придаетъ простой народъ знанію св. Писанія. Говори ему просто, понятно, — онъ будетъ равнодушенъ; но скажи ему то же самое „по Писанію“, — онъ хотя половины и не пойметъ, зато будетъ доволенъ, умилился и проникнется уваженіемъ къ „дотошному“ челоуѣку. Вспомнивъ это, Леночка почти увѣрена была, что, кромѣ заказныхъ рѣчей, у Демида есть еще и другія рѣчи, и въ этой увѣренности отправилась къ нему одна.

Былъ такой же тихій, жаркій вечеръ, какъ и въ первый разъ,